

лит. зап. - 1990. - 10 экз. в 2 т. - с. 8.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

«СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК» ТЕАТРА

Большого актера можно узнать по тому, как даже явный, даже физический недостаток он делает достоинством, частью своего образа.

Алиса Коонон в памяти тех, кому посчастливилось ее видеть, осталась последней трагедийной актрисой русской сцены: напевный, виолончельный звук голоса, запрокинутая голова и это особенное, слепое и пророческое выражение в момент перипетии: так, может быть, Кассандра предвещала падение Трои. Между тем на заре киносъемочной техники Алисе Георгиевне просто-напросто обожгло глаза, и свет ramпы заставлял часто мигать: этот прозаческий и неудобный изъяз она умела преобразить в божественность.

Увы, трагическому суждено было сбыться и в ее собственной биографии, начавшейся так светло и бурно: юношеским успехом на сцене Художественного театра, мятежным уходом в никуда и вереницей женственных женщин «серебряного века» — Сакунталой, Саломеей, Пьереттой, Брамбиллой — на сцене Камерного театра, воздвигнутого для нее и во имя нее Александром Таировым.

Камерный театр был вписан в географию театральной Москвы с той же категоричностью, как потом ампутирован. Он был такой же достопримечательностью Тверского бульвара, как памятник Пушкину, который, впрочем, тоже оттуда эвакуирован на бывшую Страстную площадь, где стоял Страстной же монастырь, а теперь помпезная «Россия».

Я не застала цветения Камерного и не могла «ошникать Федру, Клеопатру», как и Комиссара в «Оптимистической трагедии». Я застала театр на излете, и это не был естественный и достойный излет темы и стиля, пере-

ходящих в музейную ценность. Это был подцензурный, измученный и мечущийся излет, безрепертуарье с мерцающей еще на его фоне восхитительной «Адриенной Лекуврер», с внезапной грозовой вспышкой «Мадам Бовари», превратившей флореровскую буржуазку в жертву своей вечной женственности; с преждевременной «Чайкой», где вся житейская драма проваливалась куда-то в тартарары, а поэзией без страха и упрека становились «Люди, львы, орлы и куропатки...». Но, быть может, без Заречной — Коонон не было бы и Чайки — Плисецкой.

Я познакомилась с Алисой Георгиевной, когда все было уже позади: Камерный — среди прочего живого — был придушен, и Таирова, когда замуровали дверь из театра, ведущую в квартиру, увезли, как говорили тогда, в сумасшедший дом, еще не называвшийся «психушкой». Теперь Коонон выходила из двери на Бронной и шла через Богословский, где мы жили, чтобы не проходить мимо бывшего «своего» театра (здание, кстати, было ими в 1914-м куплено); мы с мужем часто провожали ее, бывали у нее. Оказалось на поверку, что этой героине теперь уже вполне реальной и, увы, ничуть не «оптимистической» трагедии хватает трезвой иронии, чтобы, будучи оскорбленной, не стать униженной. Она не жаловалась, не заламывала рук ни бук-

вально, ни фигурально и, не имея подмог, продолжала жить театром, не давая скудному быту ее задавить.

Рассказы Алисы Георгиевны блистали юмором и насмешками над собой: становилось понятно, как она могла играть не только «Благовещение» Клоделя, но и оперетку «Жирофле-Жирофля»; они просились в мемуары. Но даже неприкаянные тени великих — Александра Блока, Гордона Крага, Поля Элюара в ее синей с белым гостиной не могли в те поры подвинуть меня стать литературной помощницей Коонон — хотелось писать «от себя», надоело «негритянские» заработки...

Это было давно, на Тверском бульваре, где наконец-то вспомнили о старых хозяевах. Перед Новым годом на сцене Театра имени Пушкина зрители увидели греческую «Медку», «Тристана и Изольду» из Чехословакии, цветаевскую «Федру» и другие спектакли — в знак памяти о прекрасных художниках Александре Таирове и Алисе Коонон.

М. ТУРОВСКАЯ

ПРИМЕЧАНИЕ
ОТДЕЛА ИСКУССТВ «ЛГ»

Камерный театр (превращенный потом в Театр имени Пушкина) работал в Москве с 1914 по 1949 год. Фестиваль, посвященный 75-летию со дня основания Камерного театра, проходил в Москве с 19 по 25 декабря.